

Сюй Лун чувствовал, как рука, обнимающая его за талию, сжимается всё сильнее. Ему стало не по себе, но он понимал: если сейчас оттолкнуть Сун Ихэна, это может спровоцировать у того новый приступ безумия.

Опустив взгляд на Сун Ихэна, уткнувшегося лицом в его шею, Сюй Лун отметил, что этот человек, чьи габариты почти вдвое превосходили его собственные, сейчас свернулся в его объятиях, словно ребенок. Мягкие волосы слегка щекотали кожу. Сюй Лун приоткрыл рот:

— Может, сменим позу? Ты меня слишком сильно сдавил.

Услышав это, Сун Ихэн действительно ослабил хватку, а затем всем весом навалился на Сюй Луна. Тот не удержался и повалился на кровать, их дыхание смешалось.

Сун Ихэн протянул руку и ласково погладил Сюй Луна по лицу, после чего его взгляд потемнел, и он решительно припал губами к губам Сюй Луна.

В этом неистовом порыве Сюй Лун начал задыхаться, перед глазами поплыли искры. Он попытался оттолкнуть Сун Ихэна, но в ответ получил лишь новую волну страсти.

Спустя некоторое время они отстранились друг от друга. Сюй Лун, склонив голову набок, жадно хватал ртом воздух.

Сун Ихэн смотрел на него налитыми кровью глазами, а его ступни, упершиеся в изножье кровати, возбужденно подрагивали.

— Пришел в себя? — охрипший, низкий голос Сун Ихэна заставил Сюй Луна вздрогнуть. В душе шевельнулся легкий страх: судя по его виду, он собирался не просто заняться любовью, а будто бы проглотить его целиком.

Увидев, что Сюй Лун перестал тяжело дышать, Сун Ихэн снова навалился на него.

В полузабытьи Сюй Луну привиделся сон.

В этом сне был только Сун Ихэн. Он наблюдал, как тот ходит на работу и возвращается домой, мастерски изображая из себя утонченного интеллигента — до тех пор, пока в их коттеджном поселке не произошла серия жутких убийств.

Жертвами становились только женщины.

Выражение лица Сун Ихэна при виде женских трупов было пугающе фанатичным, он напоминал ядовитую змею, пускающую жало, — холодную и безжалостную.

Сюй Лун начал пристальнее следить за этим красивым, мягким, но скрывающим в глубине души нечто извращенное мужчиной.

Наконец, однажды он увидел истинное лицо серийного убийцы и был заперт им в комнате.

Преступник уложил Сюй Луна на кровать и навис сверху.

В дурмане, при мерцающем свете ламп, Сюй Лун перешел от яростного сопротивления к покорности. В конце концов, помимо жестокости, в убийце была и нежность.

Эта нежность день за днем всё сильнее пленяла Сюй Луна. Былой страх перед палачом исчез, уступив место бешеному сердцебиению и пылающим щекам.

Он понял, что, возможно, страдает стокгольмским синдромом.

Сюй Лун днями напролет лил слезы, его лицо осунулось, а тело стало совсем слабым.

Убийца запаниковал. Он отчаянно пытался вливать в него питательные смеси, но всё выходило обратно. Сюй Лун истощал еще больше, превращаясь в живой скелет.

Лежа в постели, он наблюдал, как убийца перестал бриться, как под его глазами залегли синяки, как он сам начал чахнуть и становиться похожим на него. Сюй Луну было больно — сердце сжималось от невыносимой тоски.

Наконец, когда оба были измучены до предела, убийца, обнимая его ночью, прошептал на ухо:

— Я знаю, что ты полюбил меня. Я не дурак, я вижу твои терзания.

Сделав долгую паузу — настолько долгую, что шея Сюй Луна намокла от его слез, — он добавил:

— Я не хочу, чтобы ты отправлялся со мной в ад. Мне жаль тебя. Правда, очень жаль.

Слезы хлынули из глаз Сюй Луна. Мне тоже жаль, но я не могу переступить через себя.

На следующее утро убийца, вопреки обыкновению, сказал, что идет на работу. Сюй Лун лишь кивнул и безучастно проводил его взглядом.

Убийца давно не ходил на работу.

Сюй Лун знал: он больше не вернется.

Сердце пронзила острая боль. Сюй Лун свернулся калачиком и зарыдал.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда дверь открылась. Сюй Лун посмотрел на порог заплаканными, опухшими глазами.

Там стояла группа людей в полицейской форме, а впереди — его толстяк-дядя.

Сюй Лун впервые видел, чтобы его жизнерадостный дядя так горько плакал. Стоило ли оно того? Сюй Луну казалось, что нет.

Но за дверью не было того, с кем он прожил бок о бок целый год.

Дядя подбежал к нему:

— Лун-Лун, не бойся! Убийца пойман, мы спасены!

Убийца пойман. Сюй Лун покачал головой: это убийца сдался сам.

В глазах, выплакавших все слезы, больше не осталось влаги. Сюй Лун коснулся груди — сердце больше не болело. Не то чтобы боль ушла, просто он привык к ней, принял эту глухую тяжесть внутри.

Дни шли за днями. После освобождения Сюй Лун заперся в своей комнате, полностью разорвав связи с внешним миром, если не считать визитов дяди, приносившего еду.

— Сегодня преступника казнят. Какое облегчение для всех!

При этих словах дяди на застывшем лице Сюй Луна появилась трещина. Без всякой причины из глаз потекли слезы. Дядя испугался, бросился вытирать их салфеткой:

— Что случилось? Что такое?

Что случилось? Сюй Лун потряс своим заржавевшим мозгом, в ушах стоял гул.

— Дядя, я устал. Хочу спать.

— Хорошо, спи, спи. Я буду дома.

Во сне он увидел, как убийцу расстреляли, и его густые мозги брызнули ему прямо в лицо.

Сюй Лун в ужасе проснулся, выкрикивая имя:

— Сун Ихэн! Сун Ихэн! Сун Ихэн!

Отчаянный, пронзительный крик напугал дядю в гостиной. Он вбежал в спальню и увидел, что Сюй Лун неподвижно лежит на кровати, уставившись в потолок. Слезы потоком текли из уголков глаз в подушку, а губы продолжали шептать имя Сун Ихэна.

— Не бойся, не бойся, его казнили.

Казнь, казнь!

У Сюй Луна перехватило дыхание, перед глазами потемнело, и он потерял сознание.

— Сюй Лун! Сюй Лун! Что с тобой? Очнись, очнись!

Запертый в кошмаре Сюй Лун почувствовал, как его кто-то сильно трясет. Он с трудом открыл глаза, и глухая боль в сердце начала утихать, стоило ему увидеть перед собой знакомое лицо.

Сун Ихэн вытер слезы с его лица:

— Кошмар приснился?

Сюй Лун поджал губы, глядя на Сун Ихэна полными обиды глазами. Крупные слезы градом покатались по щекам. Он крепко обнял Сун Ихэна, уткнулся лицом в его грудь и начал жадно вдыхать такой родной запах.

— Это был не кошмар. Это был хороший сон. Очень хороший, — пробормотал Сюй Лун, прижавшись к его груди.

Сун Ихэн улыбнулся и погладил его по волосам:

— Если это был хороший сон, чего же ты так плачешь?

Сун Ихэн действительно перепугался. После ночных ласк он обнял Сюй Луна, чтобы уснуть, но внезапно тот начал метаться и в бреду выкрикивать его имя.

Когда Сун Ихэн повернул его лицо к себе, оно было залито слезами. Он испугался и начал

трясти его, чтобы разбудить.

Сюй Лун вытер слезы о обнаженную грудь Сун Ихэна, поднял голову и принялся целовать его лицо.

При этом он бормотал:

— Не расставайся со мной, не расставайся.

В конце концов, они оба уже мертвы: один получил по заслугам, другой — тоже. Возмездие свершилось.

Сун Ихэн, заведенный его действиями, нежно смотрел на него, поглаживая по спине, пока Сюй Лун не успокоился.

Физическая и душевная усталость взяла свое — Сюй Лун, прижавшись к Сун Ихэну, вскоре снова уснул. Его рука крепко сжимала руку Сун Ихэна.

Пальцы были переплетены.

Когда Сюй Лун проснулся, он все еще был в объятиях Сун Ихэна. Сначала он придвинулся ближе, поцеловал его в губы, а затем принялся завороченно разглядывать его лицо.

Уголки губ Сун Ихэна приподнялись, и он медленно открыл свои чарующие глаза, насмешливо глядя на Сюй Луна:

— Нравится?

— Нравится.

— Любишь?

— Люблю.

Взгляд Сун Ихэна потемнел, дыхание стало тяжелым. Он притянул Сюй Луна к себе и впился в его губы.

Сюй Лун не остался в долгу: отвечая на его ласки, он положил руки ему на плечи.

Когда температура в комнате начала расти, Сюй Лун почувствовал желание Сун Ихэна. Он

покачал головой и серьезно посмотрел на него:

— Нет, нельзя.

Сун Ихэн недовольно потерся головой о его плечо.

— Ты сегодня не идешь на работу?

— Я взял отгул на три дня.

И все три дня они пробыли в своем маленьком убежище.

В то утро, когда нужно было возвращаться на работу, Сун Ихэн только встал с кровати, как Сюй Лун притянул его обратно. Он расстегнул две пуговицы на его рубашке, обнажая белоснежную шею.

И впился в нее зубами.

Через двадцать секунд там красовался ярко-красный засос. Сюй Лун с гордостью осмотрел плоды своего труда и показал себе большой палец.

Сун Ихэн смотрел на него сверху вниз, и в его глазах снова закипели эмоции.

— Эй-эй, опоздаешь ведь!

Сун Ихэн оттянул воротник с другой стороны:

— Здесь тоже нужно.

Перед уходом Сун Ихэн обнял Сюй Луна:

— Сиди дома один, никуда не выходи.

Сюй Лун кивнул:

— Не выйду! Я могу просидеть дома хоть целый год!

Сун Ихэн улыбнулся и покинул виллу.

В тот день в университете только и разговоров было: Профессор Сун влюбился! Профессор Сун влюбился!

Потому что профессор Сун, который никогда прежде не расстегивал пуговицы рубашки в рабочее время, ходил с распахнутым воротом, гордо выставляя напоказ два ярко-красных засоса.

А на его лице цвела весна.

Множество юных красавиц в университете принялись петь песни о разбитой любви: наш нежный и красивый профессор Сун занят, причем его избранник оказался довольно дерзким, раз решился оставить на шее профессора такие следы.

<http://bllate.org/book/21551/2216649>